

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-9-41

УДК 811.112

А.В. Аверина

Московский государственный лингвистический университет,
119034 г. Москва, Российская Федерация

Виды значений сослагательного наклонения в немецком языке

Статья посвящена исследованию видов передаваемых сослагательным наклонением значений, возникающих в результате взаимодействия грамматических категорий и контекста. Показано, что к периферийным значениям презентных форм можно отнести деонтичность и алетическую модальность; базовое значение претеритальных форм – нефактичность, периферия – эпистемичность и миративность. Значение миративности имеет место в придаточных предложениях, вводимых союзами *anstatt ... dass* и *ohne ... dass* и содержащих претеритальные формы сослагательного наклонения: в данном случае говорящий выражает свое недоумение из-за несоответствия имевшей место в действительности ситуации его ожиданиям.

Ключевые слова: сослагательное наклонение, модальность, время, миративность, эпистемичность, семантика граммы, корневая модальность, некорневая модальность, немецкий язык

Благодарности. Автор выражает признательность анонимным рецензентам за конструктивные замечания.

Для ЦИТИРОВАНИЯ: Аверина А.В. Виды значений сослагательного наклонения в немецком языке // Рема. Rhema. 2025. № 2. С. 9–41. DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-9-41

© Аверина А.В., 2025

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-9-41

A. Averina

Moscow State Linguistic University,
Moscow, 119034, Russian Federation

Modal semantics of the subjunctive mood in German

The article is devoted to the study of the types of meanings conveyed by the subjunctive mood, resulting from the interaction of grammatical categories and context. It is shown that the peripheral meanings of present forms include deonticity and alethic modality; the basic meaning of preterital forms is nonfactivity, the periphery is epistemic modality and mirativity. The meaning of mirativity occurs in subordinate clauses introduced by the conjunctions *anstatt ... dass* and *ohne ... dass* and containing the preterital forms of the subjunctive mood: in this case, the speaker expresses his incomprehension due to the discrepancy between the actual situation and his expectations.

Key words: subjunctive mood, modality, tense, mirativity, epistemic, grammar semantics, root modality, non-root modality, German

Acknowledgments. The author expresses gratitude to the anonymous reviewers for their constructive comments.

FOR CITATION: Averina A. Modal semantics of the subjunctive mood in German. *Rhema*. 2025. No. 2. Pp. 9–41. (In Rus.). DOI: 10.31862/2500-2953-2025-2-9-41

1. Введение

Сослагательное наклонение в немецком языке, с одной стороны, проявляет общие свойства с таковым в других языках, если речь идет о значении нефактивности; с другой стороны, обнаруживает особенности, которые проявляются в том, что данная граммема может передавать почти весь спектр модальных значений, а в некоторых случаях служит для выражения миративности, т.е. указывает на неожиданность сообщаемой информации для говорящего. Традиционно форма Konjunktiv

рассматривается в системе наклонений как компонент объективной модальности, свойственной предложению как предикативной единице и характеризующей его с позиции реальности/нереальности. Заслуживают особого внимания субъективные модальные значения, передаваемые формой Konjunktiv и проявляющиеся в синтагматике и в системе межкатегориальных связей. Их системное представление становится возможным при описании взаимодействия сослагательного наклонения с другими грамматическими категориями, например, с категорией времени, а также с учетом контекстуального окружения.

Вопрос о взаимодействии наклонения и времени рассматривается с различных точек зрения и решается неоднозначно. В этой связи можно говорить о нескольких подходах к интерпретации временных форм наклонения.

Первый представлен в работе Дж. Лайонза. Он показывает, что временные формы в немецком языке уже сами по себе модальны: его интерпретация временных форм включает в себя высказывания, содержащие различные наклонения [Lyons, 1983].

Второй подход представлен в некоторых традиционных отечественных и зарубежных немецких грамматиках: формы сослагательного наклонения лишены временного характера. Например, Е.И. Шендельс рассматривает в своей грамматике четыре сферы употребления Konjunktiv [Schendels, 1983], не акцентируя внимания на временной референции, а В. Юнг считает, что Konjunktiv утратил свой временной характер, начиная со средневерхненемецкого периода [Jung, 1987, S. 240]. По мнению Э. Хенчел и Х. Вайдт, конъюнктив «вытесняет» темпоральную семантику¹ [Hentschel, Weydt, S. 2012], т.е. она не принимается во внимание при его интерпретации.

Согласно третьему подходу, представленному в работах К. Фабрициус-Хансен, можно говорить о тесной взаимосвязи темпоральных и модальных значений: во многих языках временные формы, относящиеся к претеритальным, выражают ирреальность (контрфактичность); довольно сложно говорить о разграничении модальности и темпоральности при употреблении временных форм будущего времени [Fabricius-Hansen, 1991, S. 726–727], что, в свою очередь, зачастую обусловлено функциональным назначением временных форм: оно заключается в установлении отношения между временем говорения и временем наблюдения [Fabricius-Hansen, 1986]. В исследовании К. Фабрициус-Хансен предложено рассматривать временные формы отдельно для каждого

¹ В оригинале: “Modus und Tempus können im Deutschen nicht gleich stark in ein und derselben Verbform zum Ausdruck gebracht werden: wenn ein Konjunktiv vorliegt, drängt er die Tempusfunktion in den Hintergrund” [Hentschel, Weydt, 2012, S. 105].

наклонения: для индикатива, конъюнктива I и конъюнктива II. В частности, она предлагает отнести к индикативу I формы Präsens и Perfekt, обозначая их как Präsens и Präsensperfekt; к индикативу II – Präteritum и Plusquamperfekt, обозначая их как Präteritum и Präteritumperfekt; временные формы конъюнктива I – Präsens, Präsensperfekt, Futur I (einfaches Futur) и Futur II (Futurperfekt); временные формы конъюнктива II – это две формы: Konjunktiv Präteritum и Präteritum Perfekt. Отсутствие у конъюнктива II временной формы будущего времени К. Фабрициус-Хансен объясняет тем, что сложно провести разграничение между фактическими и нефактическими событиями в перспективе будущего времени [Fabricius-Hansen, 1999, S. 131].

Своего рода переосмыслением обозначенных подходов можно считать концепцию, согласно которой модальные значения формы Konjunktiv рассматривают как совокупность значений наклонения и времени. Так, в работах Э. Лайсс [Leiss, 1992] и М.Л. Котина [Kotin, 2007] раскрывается вопрос о том, что нефактичность закреплена за претеритальными формами в языке, а совпадение форм Präteritum Konjunktiv слабых глаголов и Präteritum Indikativ не может быть случайным [Leiss, 1992, S. 206]. В целом ряде других исследований обращается внимание на глубинную взаимосвязь семантики времени и условия, в том числе и значений нереального условия и времени в высказываниях различного типа. Так, например, в работе М.Л. Котина показано, что значения причины, условия, следствия и цели в сложном предложении можно рассматривать как реинтерпретацию временных отношений, например: *wenn du schneller bist/wärest, kommen/kämen wir rechtzeitig an* [Kotin, 2011, S. 319]. В исследованиях Р. Люр [Lühr, 2010], М. Райс и А. Вёллштайн [Reis, Wöllstein, 2010] представлен анализ условных придаточных предложений различного типа и показано, что используемое в предложении наклонение влияет на степень зависимости придаточного предложения от главного, что не в последнюю очередь объясняется тесной взаимосвязью между значением времени и условия.

Мы придерживаемся позиции, изложенной в работах Э. Лайсс [Leiss, 1992] и М.Л. Котина [Kotin, 2007, 2011; Котин, 2017]: субъективные модальные значения формы Konjunktiv в ряде случаев можно рассматривать как реинтерпретацию временных граммем. Эта концепция подтверждается наблюдениями, что при изменении референции временной формы имеет место ее модализация, т.е. временные формы приобретают дополнительные модальные значения в том случае, если временное соотношение и выбранная временная форма не совпадают (“Temporale Formen werden immer dann als modal gelesen, wenn Zeitbezug und gewählte Tempusformen sich nicht in Übereinstimmung

finden” [Leiss, 1992, S. 211]). Изменение референции временной формы может возникать в определенном контекстуальном окружении, а может быть результатом взаимодействия² нескольких категорий – аспектуальности и темпоральности, наклонения и темпоральности. В этой связи есть наблюдения о «доминантной» и «рецессивной» граммемах, предложенные В.С. Храковским: иницилирующая реинтерпретацию граммама называется доминантной, а граммама, которая подвергается реинтерпретации, – рецессивной [Храковский, 1990].

А.Л. Мальчуков и В.С. Храковский справедливо замечают, что отношение временных форм к значениям модальности и реалиса/ирреалиса сложно решить однозначно [Мальчуков, Храковский, 2015]. Временные значения не могут не пересекаться с модальными. Так, например, Р. Тирофф показывает, что в грамматических описаниях временных форм необходимо учитывать взаимосвязь с наклонением: временные формы меняют свою семантику при употреблении в другом наклонении, при этом вне наклонения интерпретация значений временных форм невозможна (“Das Tempussystem ist am Indikativ und am Konjunktiv zu studieren” [Thieroff, 1992, S. 222]).

Идея о пересечении темпоральности и модальности получила дальнейшее развитие в исследованиях Э. Лайсс [Leiss, 1992], Б. Хайне [Heine, 1993], Ж. Байби [Bybee, 1994], В. Абрахама [Abraham, 2013], М. Котина [Kotin, 2010; Котин, 2018], С. Кристофаро [Cristofaro, 2012], Д. Крайсселс [Creissels, 2024], М. Хаспельмата [Haspelmath, 2024] и др. Так, Э. Лайсс обращает внимание на то, что категории модальности, темпоральности и аспектуальности представляют собой различные стороны единой категории, в которой находит свое отражение антропоцентричность языка (“Die Basiskategorie lässt sich vom ‘natürlichen’ egozentrischen Standpunkt des Sprechers ableiten“ [Leiss, 1992, S. 3]). В. Абрахам выявляет корреляцию показателей совершенного вида с деонтичностью, а показателей несовершенного вида – с эпистемичностью [Abraham, 2013]. М.Л. Котин показывает, что время и наклонение референциально идентичны: каждая временная форма предполагает проявление модального значения, и, наоборот, у каждого наклонения есть свой временной дейксис. Категории аспектуальности, темпоральности и модальности образуют единый категориальный блок [Kotin, 2010]. Так, например, условно-нереальные высказывания представляют собой фокус, в котором собираются словоформы и грамматические формы, кодирующие темпоральность, модальность, а также «взаимодействующие

² Под взаимодействием грамматических категорий в данной публикации вслед за В.С. Храковским понимается видоизменение хотя бы одной из двух категорий [Храковский, 1990, с. 34].

логические и иллокутивные измерения пропозиции» [Котин, 2017, с. 111]. Концепция В. Абрахама о корреляции деонтичности и завершенности, эпистемичности и незавершенности получает подтверждение в диахронических исследованиях М.Л. Котина: обозначенные различия имеют прямое отношение к развитию языка [Котин, 2018]. О. Даль развивает концепцию, согласно которой единый категориальный комплекс формируют время, аспектуальность, модальность и эвиденциальность [Dahl, 2013].

Нуждаются в уточнении вопросы о том, можно ли говорить о схожих модализованных значениях форм изъявительного и сослагательного наклонения, если речь идет об описании событий прошлого, настоящего и будущего; какие дополнительные факторы помимо категории времени оказывают влияние на интерпретацию субъективных модальных значений, передаваемых формой сослагательного наклонения в немецком языке. В данном случае можно говорить о центральных значениях, свойственных сослагательному наклонению вне контекста, и периферийных значениях, возникающих в определенном контекстуальном окружении. Идея о существовании базовых и периферийных значений была предложена лингвистами Пражского лингвистического кружка и получила свое развитие в работах В.А. Плунгяна: он отмечает, что в большинстве случаев «значение граммы (впрочем, так же, как и значение лексемы) образует структуру, в которой выделяются центральный и периферийный участки, зоны стабильности и зоны наибольшей вариативности, и т.п.; эту структуру удобно обозначать термином семантическая сеть»; базовое значение граммы максимально независимо от контекста и встречается чаще других значений [Плунгян, 2011, с. 55].

В исследованиях германистов есть наблюдения и о том, что базовые значения граммы создаются под определенный тип дискурса³, т.е. характерные для них свойства находят свое проявление в соответствующих типах контекстов. Так, например, в своей работе Х. Вайнрих [Weinrich, 1964] выделяет две группы временных форм, реализующих коммуникативно-прагматическую функцию. К первой группе (Tempusgruppe I) относятся такие временные формы как Präsens, Perfekt и Futur, ко второй (Tempusgruppe II) – Präteritum, Plusquamperfekt и Konditionalis I. Временные формы первой группы Х. Вайнрих называет формами обсуждаемого мира: их используют для того, чтобы дать понять собеседнику, что речь идет о касающихся его вещах и от него ожидается вербальная или невербальная реакция. Временные формы второй группы исследователь называет временными формами

³ Автор выражает благодарность анонимному рецензенту за данное замечание.

рассказываемого: их используют для повествования, а от собеседника не ожидается какой-либо немедленной реакции [Weinrich, 1964, S. 273]. Г. Дивальд убедительно показывает, что существует тесная взаимосвязь между выбором грамматического показателя, обладающего свойством дейктичности, и дифференциацией текстов по соответствующим типам [Diewald, 1991]. В работах С. Цеман обращается внимание на то, что употребление грамматических показателей находится в тесной взаимосвязи с функциями текста [Zeman, 2023]. Соответственно, базовыми значениями граммы можно считать те, которые в меньшей степени зависят от контекста. В любом случае, они формируются в дискурсе и коррелируют с его типом.

Таким образом, цель статьи – представить виды передаваемых сослагательным наклонением модальных значений как результат взаимодействия грамматических категорий и влияния контекста.

Освещение данной проблемы позволит, в свою очередь, дать ответ на вопрос о том, какие значения сослагательного наклонения возникают в результате взаимодействия грамматических категорий, а какие – в определенном синтагматическом окружении. В свою очередь, это поможет определить роль контекста при интерпретации семантики граммы. Этим и определяется актуальность проводимого в работе исследования.

В качестве материалов исследования послужили примеры, отобранные из корпусов DECOW 16A и DWDS. Всего было отобрано и проанализировано свыше 200 примеров. Основным критерием отбора было использования в высказываниях презентных и претеритальных форм сослагательного наклонения, используемых в современном немецком языке.

Корпус DECOW 16A содержит более 777 млн предложений, отобранных из немецкоязычных сайтов (включает в себя более 17 млн документов), содержащих как сообщения в форумах, так и различного рода онлайн-сообщения. Соответственно, данные корпуса репрезентируют как письменную разговорную речь, так и публицистические издания.

Корпус DWDS содержит 13 млрд примеров из текстов немецких газет и журналов (Berliner Zeitung, Tagesspiegel, Die Zeit), публичных выступлений политиков (Politische Reden и Bundestagskorpus) и разговорной речи. В процессе анализа были использованы примеры, отобранные из газет, журналов, а также из подкорпусов Politische Reden и Bundestagskorpus.

В ходе анализа обращалось внимание на частотность употребления сослагательного наклонения в различных подкорпусах. Так, например, форма Konjunktiv I для передачи косвенной речи чаще употребляют

в газетных статьях и намного реже – в разговорной речи и в текстах политических выступлений: из 100 высказываний, содержащих косвенную речь, в газетных статьях (*Berliner Zeitung* и *Tagesspiegel*) 20 случаев приходится на использование презентной формы, в то время как в разговорной речи из 100 высказываний лишь 5 случаях был использован *Konjunktiv I*. Различия в частотности имели место и при использовании претеритальных форм сослагательного наклонения в некоторых типах придаточных предложений: форма *Konjunktiv II* в модальных придаточных предложениях, вводимых союзами *ohne ... dass*, *anstatt ... dass*, чаще встречается в текстах выступлений политиков, чем на новостных сайтах или в газетных текстах, что обусловлено, в свою очередь, спецификой ее значений в данном типе высказываний и особенностями ситуативного употребления. Аналогичная ситуация имеет место и при употреблении формы *Konjunktiv II* в придаточных предложениях следствия, вводимых союзом *als dass*. Использование презентных форм сослагательного наклонения в самостоятельном употреблении для выражения допущения свойственно текстам научного стиля.

Соответственно, при работе с фактическим материалом и при интерпретации семантики языковых форм учитывался тип текста: для того, чтобы отобрать нужное количество примеров, содержащих определенную форму конъюнктива, были использованы различные подкорпуса, а при интерпретации значений соответствующей формы учитывался тип ситуации. Для выявления всего спектра значений, передаваемых формами *Konjunktiv*, было отобрано одинаковое количество примеров, содержащих презентную и претеритальную форму – по 100 примеров на каждый случай. В связи с тем, что контексты употребления для каждого значения различны, обращалось внимание на нетипичные случаи употребления форм сослагательного наклонения и факторы, обусловившие такое употребление. При работе с фактическим материалом применялись следующие методы: общенаучные методы анализа и синтеза, а также описательный метод и метод контекстуального анализа.

2. Базовые и периферийные модальные значения сослагательного наклонения в немецком языке

2.1. Виды модальных значений

К формам сослагательного наклонения в немецком языке относят *Präsens Konjunktiv*, *Präteritum Konjunktiv*, *Perfekt Konjunktiv*, *Präteritum Konjunktiv*, *Futur I Konjunktiv* и *Futur II Konjunktiv*. *Präsens* и *Präteritum Konjunktiv* образуют при помощи суффикса *-e*, корневая гласная в форме *Präsens* не меняется, а личные окончания совпадают с таковыми

в Präteritum. Формы Präteritum Konjunktiv и Präteritum Indikativ слабых глаголов совпадают, сильные глаголы с корневыми гласными *-a-*, *-o-*, *-u-* приобретают в Präteritum Konjunktiv умлаут. К формам сослагательного наклонения относят еще и Konditionalis I (II), который образуют при помощи *werden* в Präteritum Konjunktiv и Infinitiv I (II). Для сравнения временные формы Indikativ и Konjunktiv на примере сильных и слабых глаголов представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Временные формы Indikativ и Konjunktiv
[Indicative and Subjunctive tenses]**

Временная форма [Tense forms]	Indikativ	Konjunktiv
Präsens	<i>Er geht weg</i> ‘Он уходит’ <i>Er malt ein Bild</i> ‘Он рисует картину’	<i>Er gehe weg.</i> <i>Er male ein Bild.</i>
Präteritum	<i>Er ging weg.</i> <i>Er malte ein Bild.</i>	<i>Er ginge weg.</i> <i>Er malte ein Bild.</i>
Perfekt	<i>Er ist weggegangen</i> <i>Er hat ein Bild gemalt.</i>	<i>Er sei weggegangen</i> <i>Er habe ein Bild gemalt.</i>
Plusquamperfekt	<i>Er war weggegangen.</i> <i>Er hatte ein Bild gemalt.</i>	<i>Er wäre weggegangen.</i> <i>Er hätte ein Bild gemalt.</i>
Futur I	<i>Er wird weggehen.</i> <i>Er wird ein Bild malen.</i>	<i>Er werde weggehen.</i> <i>Er werde ein Bild malen.</i>
Futur II	<i>Er wird weggegangen.</i> <i>Er wird ein Bild gemalt haben.</i>	<i>Er werde weggegangen.</i> <i>Er werde ein Bild gemalt haben.</i>

К претеритальным формам сослагательного наклонения относят Präteritum Konjunktiv, Plusquamperfekt Konjunktiv, Konditionalis I и Konditionalis II, к презентным – Präsens Konjunktiv, Perfekt Konjunktiv, Futur I (II). Претеритальные формы принято обозначать как Konjunktiv II, презентные – как Konjunktiv I.

Прежде чем обратиться к вопросу о видах передаваемых сослагательным наклонением модальных значений, дадим краткую характеристику видов субъективной модальности, которые передаются различными языковыми средствами в немецком языке.

Модальность трактуется как категория, включающая в себя значения, которые отражают преломление действительности через сознание говорящего. Некоторые из них образуют модализованную пропозицию:

модальность является компонентом пропозиции, может участвовать в речевых актах различных типов – сообщениях, вопросах, пожеланиях и т.п. (подробнее см. [Булыгина, Шмелев, 1997]). Речь идет о выражении волитивности (1), необходимости (деонтичности (2)), объективно существующей в реальной действительности возможности (алетическая модальность, см. (3)), разрешении, позволении (диспозиционная модальность, см. (4)), перечисленные значения относятся к корневым модальным значениям [Palmer, 2001], сравним:

- (1) Er **will** endlich in Frieden mit der Mensch heit leben. (DECOW 16A)⁴
‘Он хочет, наконец, жить в мире с человечеством.’⁵
- (2) Das Autobahnnetz **soll** in den nächsten Jahren weiter ausgebaut werden. (DECOW 16A)
‘Сеть автодорог следует достроить в ближайшие годы.’
- (3) In einem Liter Wasser **können** sich bei 0 °C und Normaldruck maximal 53,6 ml Argon lösen. (DECOW 16A)
‘В одном литре воды при 0 °C и при нормальном атмосферном давлении можно растворить максимально 53,6 мл аргона.’
- (4) Das **darf** nichts obleiben! (DECOW 16A)
‘Так нельзя оставлять дело!’

Другие – некорневые, или производные значения – предполагают выражение оценки говорящим ситуации с позиции степени вероятности или фактичности. В данном случае речь идет об эпистемичности (5), инференциальной эвиденциальности, когда говорящий строит свое суждение на основе собственных наблюдений, умозаключений (6), что видно на примере высказываний в форме Indikativ, или нефактичности (речь идет о некотором факте в сознании говорящего, см. (7)) или контрфактичности⁶ (факт не соответствует действительности, как правило, этот вид модального значения находит реализацию в сравнительных придаточных предложениях):

- (5) Aber **vielleicht** reden wir auch an einander vorbei. (DECOW 16A)
‘Но, наверное, мы тоже друг друга не слышим.’
- (6) Da hat sich einer **anscheinend** Gedanken dabei gemacht!
(DECOW 16A)
‘Очевидно, кто-то уже подумал об этом!’

⁴ DECOW 16 A. URL: www.webcorpora.org (дата обращения: 20.05.2024).

⁵ Здесь и далее перевод наш.

⁶ Подробнее о нефактичности и контрфактичности как о видах модальных значений см. [Kotin, 2012].

(7) Es sieht so aus, als ob **sich** alle Seelen im Turm zur Ruhe **begeben hätten**. (DECOW 16A)

‘Такое ощущение, как будто все души покоятся в башне.’

Остановимся подробнее на вопросе о том, при каких условиях формы сослагательного наклонения проявляют способность передавать перечисленные виды модальных значений.

2.2. Модальные значения претеритальных форм сослагательного наклонения (Konjunktiv II)

Претеритальные формы сослагательного наклонения (Präteritum Konjunktiv, Plusquamperfekt Konjunktiv и Konditionalis I (II)) служат для передачи значения нефактичности и контрфактичности. Дж. Лайонз обращает внимание на то, что в контрфактичных высказываниях пропозиция является не истинной, а ложной (*Wenn er in Paris gewesen wäre, hätte er Montmartre besichtigt* ‘Был бы он в Париже, то посетил бы Монмартр’). При использовании нефактивного предиката типа *glauben* и *meinen* говорящий не утверждает ни истинность, ни ложность соответствующей пропозиции (*Er glaubt/meint, dass Edinburgh die Hauptstadt von Schottland ist* ‘Он думает/полагает, что Эдинбург является столицей Шотландии’) [Lyons, 1983, S. 395]. Г. Дивальд, развивая концепцию Дж. Лайонза, показывает, что с позиции Ориго ситуация может быть представлена как фактичная, т.е. действительная, или реально существующая (например, *Sie geht in die Stadt* ‘Она идет в город’), или как нефактичная, т.е. не существующая в реальной действительности (*Sie würde in die Stadt gehen* ‘Она бы пошла в город’; *Vielleicht geht sie in die Stadt* ‘Возможно, она идет в город’). В первом случае Ориго⁷, т.е. говорящий, воспринимает ситуацию как соответствующую реальной действительности точно так же, как и реальное существование его самого. Во втором случае ситуация не воспринимается как существующая в реальной действительности: нефактичность является тем самым дейктичным объектом, на который указывает Ориго [Diewald, 1991, S. 242–243]. Указание имеет место при использовании граммемы сослагательного наклонения, модальных слов с семантикой эпистемической модальности, модальных глаголов во вторичном значении и т.д. Как отмечает Г. Дивальд, любое употребление сослагательного наклонения связано с обозначением нефактичности (“Grundsätzlich kann gesagt werden, dass

⁷ Ориго в интерпретации К. Бюлера – исходная точка в системе координат. С позиции Ориго осуществляется указание на место, время и лицо [Бюлер, 2000]. В исследованиях последних лет модальность также причисляется к сфере дейктичных значений [Diewald, 1991].

jede Verwendung des Konjunktivs eine [...] nicht-faktische Modalisierung bedeutet” [Diewald, 1991, S. 248]). В данной публикации при описании ситуаций нефактичности и контрфактичности будет использован термин «нефактичность». Рассмотрим примеры употребления претеритальных форм:

- (8) Tatsächlich knallte es erneut, doch der Schuss klang, als **käme** er aus größerer Entfernung. (DECOW 16A)
 ‘Действительно, снова выстрелило, но выстрел прозвучал [kommen.SBJV] как будто издалека.’
- (9) Das **würde** natürlich erst in einigen Jahren möglich sein. (DECOW 16A)
 ‘Это, конечно, было бы [werden.SBJV] возможно через несколько лет.’

В приведенных высказываниях использованы дополнительные показатели, позволяющие определить отнесенность к моменту настоящего или будущего. Как видно из приведенных примеров, Konditionalis (9) имеет отношение к будущему, на что указывает показатель *erst in einigen Jahren*, а Präteritum Konjunktiv имеет референцию к настоящему моменту времени, на что указывает первая часть предложения. В некоторых случаях может проявляться и вневременной характер этих форм.

В истории развития немецкого языка претеритальная форма вытеснила презентную: В.А. Бондарь обращает внимание на то, что в древневерхненемецком языке претеритальные формы были использованы для выражения события, «которое как бы выводится за рамки прошедшего времени, приобретая вневременной характер» [Бондарь, 2019, с. 106], а М.Л. Котин объясняет вытеснение Präsens Konjunktiv формой Präteritum тенденцией к выражению значения нефактической модальности во вневременной перспективе (“...was mit der allgemeinen Affinität des Präteritums zur Kodierung der in direkten Modalität, un abhängig von der jeweilig entatsächlichen Zeitstufe zusammenhängt” [Kotin, 2014, S. 159]). Форме Präteritum Konjunktiv в современном немецком языке присуще выражение значения нефактичности, она может иметь отношение и к настоящему моменту времени, и иметь вневременной характер. М.Л. Котин делает следующее наблюдение: форма Präteritum Indikativ обозначает фактичность в прошлом, прослеживается временная дистанция между настоящим и прошедшим временем. В форме Präteritum Konjunktiv она получает переосмысление и получает трактовку как модальная дистанция [Ibid.]. Präteritum Konjunktiv проявляет значение нефактичности и является дейктичной граммемой: Ориго указывает на нефактичность ситуации. Фактичность/нефактичность – это

отражение оппозиции включенность/невключенность Ориго. Аналогичное явление имеет место и в русском языке. Как отмечается в русской грамматике, значения наклонения выражаются аналитическими формами, состоящими из глагольной формы на *-л* (совпадающей с формой прошедшего времени) и частицы *бы* (*б*): *играл бы, играла бы, играло бы, играли бы* [Русская грамматика, 1980, с. 623]. Частица *бы* восходит к форме прошедшего времени глагола *быть*, что, в свою очередь, также подтверждает связь нефактичности с претеритом⁸.

Форма Plusquamperfekt Konjunktiv соотносится, как известно, с определенным моментом в прошлом, нефактичность которого оценивается с позиции настоящего:

(10) Wer **hätte** das nur für möglich **gehalten!** (DECOW 16A)

‘Кто бы мог это счесть [halten.SBJV] возможным!’

Сама по себе форма Plusquamperfekt в индикативе в типологическом аспекте обладает следующим свойством: ее «базовое употребление... соответствует контекстам ‘предшествования в прошедшем’» [Сичинава, 2013, с. 17]. Если использовать терминологию Х. Райхенбаха [Reichenbach, 1947], то в случае с формой Plusquamperfekt время события предшествует другому событию, т.е. эта форма является таксисной граммемой. Д.В. Сичинава приписывает плюсквамперфекту, реализованному в различных языках, следующие типы значений: таксисное значение; наличие результирующего состояния в прошлом; прекращенная ситуация (ср. рус.: *Я было хотел зайти к Вам*); аннулированный результат (непредвиденная остановка процесса в близости к финалу) (ср. рус.: *Он вчера чуть было не умер*); давнопрошедшее; экспириенциальное значение (агенту приписываются знания в связи с прошлым опытом) (ср. рус.: *Вас же предупреждали*); модальное значение (употребление в гипотетических конструкциях), эвиденциальное [Сичинава, 2013]. Большинство этих значений свойственны форме Plusquamperfekt в немецком языке и находят свое проявление именно в форме Konjunktiv:

(11) Wenn es so **gewesen wäre**, dann hätte es aber nur einen Tag Verzögerung gegeben. (DECOW 16A)

‘Если бы это было [sein.SBJV] так, то задержка длилась бы только один день.’

(12) Die Landung **wäre** beinahe schief **gegangen**. (DECOW 16A)

‘Приземление чуть было не закончилось [schiefgehen.SBJV] с плачевным результатом.’

⁸ Автор благодарит анонимного рецензента за данный комментарий.

Как справедливо отмечает М.Л. Котин в одной из своих работ, при кодировании в высказывании нереального условия и нереального следствия форма прошедшего времени глагола «выступает в функции базового индикатора категории дистанции» [Котин, 2017, с. 114]. Категория дистанции содержит конвергентные темпоральные и модальные сигналы, благодаря чему прототипическая временная дистанция регулярно переосмысливается как «дистанция к факту» [Там же, с. 126]. Значение результирующего состояния в прошлом и давнопрошедшее в *Indikativ* получают иную трактовку в *Konjunktiv*: речь идет о результирующем состоянии в представлении говорящего, которое может или могло иметь место при определенных условиях в некоторой ситуации. Примечательно, что в русском языке проксимативное значение, передаваемое в немецком языке формой *Plusquamperfekt Konjunktiv*, свойственно изъявительному наклонению – в высказываниях такого типа используют частицу *чуть было не*: *Он чуть было не опоздал на поезд*. Таким образом, нефактичность можно интерпретировать как базовое значение претеритивных форм сослагательного наклонения.

Использование формы *Präteritum Konjunktiv* и *Plusquamperfekt Konjunktiv* в некоторых типах придаточных также позволяет передать нефактичность. Рассмотрим в этой связи следующие высказывания:

- (13) *Der Däumling aber tat nur so, als ob er **schliefe** <...>. (DECOW 16A)*
 ‘Мальчик-с-пальчик сделал вид, как будто он спит [schlafen.SBJV].’
- (14) *Wenn meine Mutter das nicht **gemacht hätte**, wärs jetzt anders. (DECOW 16A)*
 ‘Если бы моя мама этого бы не сделала [machen.SBJV], то сейчас бы все выглядело иначе.’
- (15) *Ich... wohne zu weit weg, als dass ich sie mir holen **könnte**. (DECOW 16A)*
 ‘Я слишком далеко живу, чтобы суметь [können.SBJV] это забрать.’

Придаточным сравнения (13), вводимым союзами *als ob*, *als wenn*, *als* или *wie wenn*, придаточным нереального условия (14) свойственно использование претеритивных форм сослагательного наклонения. В придаточных следствия, вводимых союзом *als dass*, форма *Konjunktiv II* не является обязательной. Так, например, из 40 случаев употребления придаточных предложений следствия в 12 использованы формы *Präteritum Konjunktiv* или *Plusquamperfekt Konjunktiv*, в остальных случаях имеет место *Indikativ*. В придаточных следствия, условия и сравнения (13)–(15) форма *Konjunktiv* является средством выражения

нефактической модальности, причем в придаточных следствия типа (15) форма сослагательного наклонения подчеркивает нефактичность.

Г. Дивальд считает, что наклонение является показателем зависимости придаточного от главного предложения, т.е. выступает в роли так называемого субъюнктива (Subjunktiv) как грамматический маркер подчинения придаточного главному предложению. Речь идет в данном случае о придаточных цели и сравнения [Diewald, 1999, S. 184]. Т.А. Фритц показывает, что условные придаточные предложения представляют собой некий мысленный, представляемый факт (gedachte Tatsachen) [Fritz, 2018]. Несколько иная ситуация имеет место в модальных придаточных с *ohne dass*, обозначающих какое-либо действие, не наступившее ввиду определенных обстоятельств. Как правило, в предложениях данного типа употребляют форму Indikativ, например:

(16) Er kann nicht leben, ohne dass er Vater und Mutter **ehrt**.

(DECOW 16A)

‘Он не может жить, не почитая отца и мать.’

(17) Viele tragen solche Viren in sich, ohne dass sie Beschwerden **haben**.

(DECOW 16A)

‘Многие живут с вирусами, не имея при этом жалоб на состояние здоровья.’

Предложения (16) и (17) нейтральны, т.е. не содержат показателей эмоциональности, а их функциональное назначение заключается в дополнительной характеристике описываемого в главном предложении события. Применив прием трансформации, можно образовать высказывания с инфинитивным оборотом *ohne... zu* без ущерба для содержания, например:

(16') Er kann nicht leben, ohne Vater und Mutter zu ehren.

‘Он не может жить без почитания отца и матери.’

(17') Viele tragen solche Viren, ohne Beschwerden zu haben.

[DECOW 16A].

‘Многие живут с вирусами без жалоб.’

Анализ корпусных данных показывает, что в отдельных случаях вместо формы Indikativ может быть использован Konjunktiv II. Так, из 100 примеров, отобранных из корпуса DECOW 16A, в 12 предложениях с *ohne dass* употреблен Konjunktiv II (12%), в 88 (88%) – Indikativ; из 250 примеров, отобранных из корпуса DWDS (Politische Reden), в 25 использован Konjunktiv (10% случаев). Нуждаются в пояснении случаи употребления сослагательного наклонения вместо изъяяснительного в предложениях данного типа. Рассмотрим следующие высказывания:

- (18) Sie unterstellen, dass wir irgendwelche Anträge nicht kennen oder die Reform nicht verstanden haben – und Ihre konstruktive Mitarbeit an der Reform besteht darin, dass Sie hier einige Paragraphen und Ziffern vorlesen, ohne dass Sie diese Abänderungen mit uns vorher **diskutiert hätten**. (DWDS. Rede von Herbert Scheibner. 11.06.2003) ‘Вы обвиняете нас в том, что мы не знаем каких-либо предложений или не поняли реформы – и Ваше конструктивное сотрудничество при обсуждении реформы заключается в том, что Вы зачитываете здесь некоторые параграфы и цифры, предварительно не обсудив [diskutieren.sbv] с нами изменений.’
- (19) Und das tun sie, ohne dass die jeweiligen Regierungen oder Präsidenten sie dazu **beauftragt hätten**. (DWDS. Rede von Joachim Gauck. 22.05.2014) ‘И они делают это без того, чтобы соответствующие правительства или президент поручали [beauftragten.sbv] им это делать.’

Высказывания с (18) и (19), содержащие Конъюнктив II, служат не для выражения нефактичности, а маркируют эмоциональную вовлеченность говорящего и его удивление: ситуация не соответствует нормам ожидания. На эту особенность обращают авторы практической грамматики, комментируя употребление претеритальных форм сослагательного наклонения в предложениях, вводимых союзом *ohne dass* (“Der Konjunktiv II drückt Erstaunen und Verwunderung aus”) [Buscha, Szita, Raven, 2013, S. 108–109; Hall, Scheiner, 2014, S. 108–109]: высказывания типа (18) и (19) служат для выражения удивления и эмотивно окрашены. Если применить прием трансформации и образовать предложения с двумя пропозициями и одной предикацией или же с инфинитивным оборотом *ohne ... zu*, то теряется эмотивный компонент высказывания, сравним:

- (18') Sie lesen hier einige Paragraphen und Ziffern ohne vorherige Diskussion vor / Sie lesen hier einige Paragraphen und Ziffern, ohne die Abänderungen mit uns diskutiert zu haben.
‘Вы зачитываете здесь некоторые параграфы и цифры без предварительной дискуссии.’
- (19') Und das tun sie, ohne von jeweiligen Regierungen oder Präsidenten beauftragt worden zu sein.
‘И они делают это без поручений соответствующих правительств или президента.’

В примерах (18') и (19') отсутствует дополнительный компонент значения, свойственный исходным предложениям (18) и (19): *das habe ich nicht erwartet* 'я этого не ожидал'; *das wundert mich* 'меня это удивляет'. Говорящий представляет собеседнику описываемые в (18) и (19) события как вызывающие его недоумение. В данном случае можно допустить, что в придаточных с *ohne dass* при употреблении Konjunktiv II проявляется миративное значение. Особенно отчетливо это можно проследить в высказываниях, когда говорящий обращается к аудитории, подчеркивая значимость обстоятельств, которые имеют или имели место вопреки его ожиданиям, т.е. немалая роль отводится типу коммуникативной ситуации:

(20) Meine Damen und Herren von der Bundesregierung, Sie schleppen sich von Jahressteuergesetz zu Jahressteuergesetz, ohne dass Sie nennenswert **vorankämen** – das ist eine Flickschusterei sondergleichen! (DWDS. Deutscher Bundestag. Plenarprotokoll. 18/106 vom 21.05.2015)

'Дамы и господа из федерального правительства, вы переходите от Закона о ежегодном налоге к Закону о ежегодном налоге, не добиваясь [vorankommen.sbv] значительного прогресса, – это не имеет себе равных в этом деле!'

Существуют различные подходы к интерпретации миративных значений и способов их репрезентации, которые подробно изложены в целом ряде исследований. В частности, А. Зоцка обращает внимание на то, что миративность зачастую идентифицируется с восклицательным типом предложения ("Zu weilen wurde die Mirativität mit dem exklamativen Satzmodus vermengt" [Socka, 2022, S. 75]). Одна из точек зрения, представленная в работе К. Хенгефельд и Х. Ольбертс, заключается в том, что миративность встречается в различных типах предложений и, следовательно, сама по себе не является типом предложения ("In contrast, mirativity occurs with in different sentence types, and the refore is nota sentence type it self"); миративы являются частью пропозиций, которые скорее утверждают или ставят под сомнение, чем предполагаются заранее ("miratives are not necessarily speaker – bound and form part of propositions that are asserted or questioned rather than being presupposed") [Hengeveld, Olbertz, 2012, S. 490], а сама миративность определяется как лингвистическая категория, которая характеризует пропозицию как заслуживающую внимания, неожиданную или вызывающую удивление у говорящего, а иногда и у адресата [Hengeveld, Olbertz, 2012, S. 488].

В высказываниях с формой Konjunktiv (18)–(20) описаны ситуации, сложившиеся вопреки ожиданиям и контрастирующие с представлениями говорящего или с некоторыми ранее установленными закономерностями (правилами). Примеры (18)–(20) позволяют обратить внимание на то, что миративность, действительно, не является типом предложения; ее можно трактовать как семантическую категорию, суть которой заключается в выражении недоумения/удивления говорящего, а языковое выражение не ограничивается лишь использованием предложений восклицательного типа. При интерпретации фрагментов (18)–(20) возникает вопрос о том, может ли миративность иметь место в монологической речи или она свойственна только высказываниям в диалоге.

В этой связи интересный опыт исследования миративных значений в нарративных текстах на примере инфинитивных оборотов с *um ... zu* представлен в работе Л. Еджейовского, в которой он обращает внимание на возможность выражения контраста между ожиданиями говорящего и утверждаемой пропозицией в высказываниях типа *Tom trainiert jeden Tag, um dann doch einen Herzinfarkt zu bekommen* ‘Том тренируется каждый день, чтобы потом еще и инфаркт получить’. Этот контраст он представляет в виде миративной импликатуры: существует как минимум одна связанная с целью альтернативная пропозиция, отличающаяся от утверждаемой пропозиции и ожидаемая ранее говорящим. Как пишет Л. Еджейовски, именно она спровоцировала трансформацию *um*: предложения с ними в данном случае служат не для выражения цели, а для передачи контраста между ожиданиями говорящего и утверждаемой пропозицией. Благодаря контрасту возникает эффект ошеломления: на первый план выходит утверждаемая говорящим пропозиция, которую он представляет собеседнику как неожиданную [Jędrzejowski, 2022, S. 136].

В высказываниях (18)–(20) также можно говорить о кодировании контраста: в отличие от придаточных предложений, содержащих формы индикатива и служащих для передачи дополнительной характеристики основного действия, описанного в главном предложении (см. (16) и (17)), в предложениях с формами конъюнктива выражено удивление/изумление говорящего, поскольку его представления о ситуации контрастируют с реальным положением дел. В определенной степени на интерпретацию семантики сослагательного наклонения влияет и тип текста: высказывания (18)–(20) заимствованы из выступлений политиков. В них они обращаются к аудитории, рассчитывая на ответные эмоции слушателей, что, по всей видимости, и объясняет употребление формы Konjunktiv II. Таким образом, формированию миративной семантики сослагательного наклонения в данном случае способствует

не только употребление Konjunktiv II, но и коммуникативная ситуация и контекст.

Схожая ситуация имеет место в предложениях, вводимых союзом *anstatt... dass*. В большинстве случаев в высказываниях данного типа используют форму Indikativ, а форма Konjunktiv II имеет место крайне редко. Так, согласно данным корпуса DECOW 16A, лишь в трех примерах из 1200 была употреблена претеритальная форма сослагательного наклонения. В подкорпусе Politische Reden корпуса DWDS из 30 высказываний в четырех случаях был употреблен Konjunktiv II. В (21) можно проследить использование претеритальной формы сослагательного наклонения при обращении говорящего к собеседнику:

- (21) Es verwundert mich sehr, dass Sie es kritisch sehen, dass eine Oppositionspartei versucht, Licht ins Dunkel zu bringen, dass wir Anfragen stellen – anstatt dass Sie dafür **dankbar wären** und es **begrüßen würden**, dass wir gemeinsam einen Beitrag dazu leisten können, diese Geheimhaltungspolitik, die von der europäischen Ebene und von den USA dominiert wird, eine Spur abzuschwächen. (DWDS. Rede von Eva Glawischnig-Pieczek. 24.09.2014)
 ‘Меня очень удивляет, что они критически относятся к тому, что оппозиционная партия пытается пролить свет на наши запросы, вместо того, чтобы быть благодарными [dankbar sein.sbv] и приветствовать [begrüßen.sbv] нашу совместную способность внести свой вклад в ослабление этой политики неразглашения, которая доминирует на европейском уровне и в США.’

В (21) говорящий выражает свое удивление по поводу неверных действий членов правящих партий: по всей видимости, использование придаточного, вводимого союзом *anstatt ... dass* и содержащего Konjunktiv II в высказывании, обращенном к собеседнику, способствует усилению митаривного эффекта.

Использование формы сослагательного наклонения в предложениях (18)–(21) является спецификой немецкого языка: в русском языке в высказываниях данного типа может быть употреблено только изъявительное наклонение.

Существуют концепции, согласно которым митаривность относится к зоне эвиденциальных значений [Abraham, 2013]. Они имеют следующее обоснование: неожиданность – это особый способ получения информации о ситуации. Автор публикации разделяет позицию В.А. Плуныя, что митаривность можно рассматривать как одну из разновидностей эпистемической оценки, т.е. «противоречие ожиданиям говорящего», «неготовность говорящего воспринять наблюдаемую

им ситуацию» [Плунгян, 2011, с. 364]. Миративное значение возникает при использовании претеритальных форм сослагательного наклонения в определенных типах синтаксических структур (см. (18)–(21)) и в определенных коммуникативных ситуациях, на основании чего его можно отнести к периферийным для *Präteritum Konjunktiv* и *Plusquamperfekt Konjunktiv*.

Präteritum Konjunktiv и *Plusquamperfekt Konjunktiv* могут быть использованы и для выражения эпистемической модальности: в случае, если формы *Konjunktiv I* заменяются формой *Konjunktiv II* при передаче косвенной речи, может быть передано некоторое сомнение говорящего. Рассмотрим в этой связи следующее высказывание:

- (22) *Er sagte, er, B., wäre er noch im Amt <...>. (DWDS⁹)*
 ‘Он сказал, что он, Б., еще якобы остается [sein.SBJV] в должности.’

В (22) использована форма *Konjunktiv II* для передачи позиции 3-го лица. Как правило, в косвенной речи употребляют презентные формы конъюнктива, которые могут быть заменены на претеритальные только в том случае, если они совпадают с формами индикатива: это служит сигналом того, что высказывание имеет не форму *Indikativ*, а именно *Konjunktiv* (например: *Sie sagen, sie haben den Täter gesehen / Sie sagen, sie hätten den Täter gesehen* ‘Они говорят, что видели преступника’). Употребление презентной формы конъюнктива в (22) не привело бы к совпадению с формами изъявительного наклонения. В данном случае употребление претеритальной формы позволяет показать сомнение говорящего в истинности чужих слов. Эксплицитное указание на источник информации (*Er sagte*) также играет определенную роль: это создает предпосылки для того, чтобы показать сомнение говорящего. Т. Фритц обозначает данный феномен как «парадокс эксплицитного выражения» (“*impliziter Ausdruck des Sprecher zweifels durch expliziten Verweis auf die Informationsquelle*“): при четком указании на лицо, которое представляет определенную позицию, можно подчеркнуть ошибочность его мнения [Fritz, 2000]. Таким образом, эпистемичность как периферийное значение формы *Konjunktiv II* находит свое проявление в синтагматике при употреблении претеритальных форм для указания на источник информации даже в том случае, если формы индикатива не совпадают с презентными формами конъюнктива, которые традиционно используют в косвенной речи. По всей видимости, это связано с тем, что претеритальным формам свойственна семантика нефактичности.

⁹ DWDS. URL: <https://www.dwds.de> (дата обращения: 20.05.2024).

Волиитивное значение в высказываниях типа (23) и (24) также формируется в определенных структурах предложений: его возникновение возможно благодаря использованию модальных частиц *doch*, *bloß* или *nur*, оптативной конструкции (*Wenn doch...! Wenn bloß ...! или Hätte doch ...! Wäre nur ...!*) и сослагательного наклонения в соответствующей временной форме:

(23) Wenn er doch nur etwas deutlicher spräche! (DECOW 16A)
 ‘Если бы он говорил [sprechen.SBjV] немного отчетливее!’

(24) Wenn sie **nur** bei uns **wäre**! [DECOW 16A]
 ‘Если бы она была [sein.SBjV] с нами!’

Предложения данного типа обладают рядом особенностей, на которые обращает внимание М.Л. Котин: они могут быть только восклицательными и в них могут быть использованы модальные частицы и междометия, что, в свою очередь, свидетельствует об их неподчинимом статусе (речь идет о показателях иллюкутивной силы, свойственных самостоятельным независимым предложениям). Именно это свойство и отличает предложения данного типа от нереальных условных придаточных [Котин, 2017, с. 122]. Оптативные предложения, содержащие Konjunktiv, могут начинаться либо с *wenn*, либо с финитной формы глагола.

Таким образом, Präteritum Konjunktiv – это своего рода «модальная дистанция» [Котин, 2014] между говорящим и не существующим в реальной действительности фактом, эта форма может иметь референцию к настоящему моменту, а может быть вневременной. Plusquamperfekt предполагает наличие результирующего состояния в прошлом, которое в форме Konjunktiv представлено как мыслимое, нефактическое, существующее в сознании говорящего. Связано это не в последнюю очередь с тем, что «прототипическая временная дистанция регулярно переосмысливается как “дистанция к факту”» [Котин, 2017, с. 126], в результате форма Plusquamperfekt Konjunktiv может получить интерпретацию как синтетическая граммема наклонения и времени.

Выбор перфектной формы, обозначающей актуальный для настоящего момента свершившийся факт, не позволил бы создать дистанцию между настоящим и прошлым моментом: вспомогательные глаголы *haben* и *sein* имеют отношение к настоящему моменту. В этой связи М.Л. Котин справедливо указывает на то, что, с одной стороны, в перфектных формах вспомогательные глаголы соотносятся с настоящим моментом времени, а с другой – Partizip II отсылает к событиям прошлого [Котин, 2019]. Значение нефактичности можно рассматривать как базовое для Präteritum Konjunktiv и Plusquamperfekt Konjunktiv.

Возникновение других рассмотренных нами значений, передаваемых претеритальными формами сослагательного наклонения (эпистемичности, миративности), вряд ли может быть приписано одному лишь взаимодействию граммем наклонения и времени: в данном случае немалая роль отводится контексту (эксплицитному указанию на лицо, употреблению сослагательного наклонения в модальных придаточных предложениях и т.д.). Перечисленные значения претеритальных форм можно отнести к периферийным. Возникновение широкого спектра значений соответствующих граммем может иметь следующее объяснение: Г. Дивальд трактует грамматические формы, которые не могут получить интерпретацию вне контекста, как слабые дейктики. Напротив, сильные дейктики могут получить интерпретацию вне контекста [Diewald, 1991]. Граммемы наклонения являются слабыми дейктиками, поскольку обладают высокой степенью грамматикализации, а их интерпретация может меняться в зависимости от контекстуального окружения. С. Цеман демонстрирует в своих работах, что выбор и интерпретация грамматических средств языка зависит от таких параметров, как тип текста, интенция говорящего, региональные отличия и т.д. [Zeman, 2023].

2.3. Модальные значения презентных форм сослагательного наклонения (Konjunktiv I)

Презентные формы конъюнктива (Konjunktiv I) – это Präsens, Perfekt и Futur Konjunktiv. Уже сами по себе они специфичны и по форме, и по содержанию: в русском языке презентные формы сослагательного наклонения отсутствуют, а их функцию принимают на себя индикаторы категории состояния (*нужно*), частицы (*да, пусть*), глаголы со значением необходимости в безличной форме (*следует* и т. д.), если речь идет о выражении корневых модальных значений [Русская грамматика, 1980]. Эвиденциальная функция Konjunktiv I не имеет в русском языке какого-либо специального оформления [Русская грамматика, 1980]. Г. Дивальд, рассматривая Konjunktiv I как кватативный маркер (Quotativ), обращает внимание на то, что говорящий не высказывает своего сомнения по отношению к передаваемой информации за исключением некоторых случаев, когда это становится возможным благодаря конвенциональным импликатурам [Diewald, 1999, S. 183]. Форма Konjunktiv I дейктична как эвиденциальный показатель: с позиции Ориго может иметь место указание на источник сообщаемой информации.

Базовое значение презентных форм сослагательного наклонения заключается в передаче эвиденциальности, т.е. Konjunktiv I служит для указания на источник сообщаемой информации и дистанцированность говорящего, как это можно проследить на примере следующих высказываний:

- (25) Die Nonne **habe** ihm **gesagt**, er **dürfe** wieder kommen. (DWDS)
‘Монахиня сказала [sagen.SBJV] ему, что он может [dürfen.SBJV] снова прийти.’
- (26) Er sagte, Vorkehrungen **seien getroffen worden**. (DWDS)
‘Он сказал, что меры предосторожности были приняты [treffen.SBJV].’

Рассмотрим периферийные модальные значения, передаваемые презентными формами конъюнктива. В следующих высказываниях речь идет о выражении волеизъявления в (27) и необходимости (28), т.е. волиитивности и деонтичности:

- (27) Man **möge** mir verzeihen. (DECOW 16A)
‘Пусть [mögen.SBJV] мне простят.’
- (28) Man **beachte** aber das Datum der Barabhebung – kurz bevor der Betreuer dem Pflegeheim zustimmte. (DECOW 16A)
‘Следует учесть [beachten.SBJV] дату снятия наличных – незадолго до того, как опекун согласился на дом престарелых.’

В приведенных примерах желаемое и необходимое действия имеют референцию к событиям настоящего и ближайшего будущего. В этой связи заслуживают внимания наблюдения Дж. Лайонза, что будущее время коррелирует с деонтической модальностью (“Ein zweiter Unterschied zwischen deontischer und logischer oder epistemischer Modalität... besteht in dem inneren Zusammenhang zwischen deontischer Modalität und Zukunft” [Lyons, 1983, S. 422]).

Деонтичность всегда соотносится с будущим временем и свойственна и модальным глаголам в форме изъявительного наклонения, если они сочетаются с предельными (перфективными) глаголами. На эту особенность обращает внимание В. Абрахам:

- a) Paul muss_i [VP Arzt werdent_i] ... [+telisch, +DMV/+EMV]
b) Paul muss_i [VP Arzt sein t_i] ... [-telisch, –DMV/+EMV] [Abraham, 2013, S. 41],

где DMV – первичное (деонтическое) значение модального глагола (*Paul muss Arzt werden* ‘Пауль должен стать врачом’), а EMV – эпистемическое (вторичное) значение модального глагола (*Paul muss Arzt sein* ‘Пауль, наверное, врач’). В случае (а) передано значение долженствования, поскольку в роли инфинитива выступает предельный глагол; в (b) находит реализацию значение эпистемической модальности, поскольку *sein* – неопредельный глагол.

Аналогичные наблюдения имеют место и в работе Э. Лайсс [Leiss, 2008]. Она обращает внимание на следующее: модальные глаголы

в корневом/деонтическом употреблении обозначают действия, которые разворачиваются в будущем и которые не осознаны на момент произнесения (“Root modals / deontic modals denote actions which unfold in the future and which are not yet realized at utterance time” [Leiss, 2008, S. 16]).

В целом можно говорить о регулярном проявлении обозначенной Э. Лайсс тенденции, однако могут иметь место случаи, когда модальные глаголы с семантикой деонтичности служат для передачи алетической модальности и имеют отношение к настоящему моменту. Так, например, М. Хундт обращает внимание на то, что модальный глагол *müssen*, первичное значение которого заключается в передаче долженствования, в высказывании *Paul muss ständig rauchen (er ist süchtig)* ‘Пауль постоянно курит (он зависим от этого)’ служит для обозначения алетической модальности, поскольку речь идет о характеристике свойств лица в настоящий момент времени [Hundt, 2003]. Схожие наблюдения имеют место в монографии Э. Шерр [Scherr, 2019]¹⁰.

Периферийные значения (см. (27), (28)) презентных форм конъюнктива формируются на уровне целого высказывания при использовании модального глагола *mögen*, неопределенно-личного местоимения *man* или определенных типов синтаксических структур. Периферийные значения не свойственны презентным формам конъюнктива как таковым, поскольку они находят свое проявление лишь в определенных моделях предложений и являются составляющим компонентом целой конструкции, как, например, это имеет место в побудительных высказываниях типа (29), содержащих модальный глагол:

- (29) **Möge** er in Frieden ruhen. (DECOW 16A)
 ‘Пусть [mögen.sbjv] он покоится с миром.’

Можно обратить внимание на проявление деонтичности в высказывании с безличным местоимением *es* (30) и неопределенно-личным местоимением *man* (31). В данном случае деонтичность можно рассматривать не только как результат взаимодействия семантики времени и склонения, но и отчасти неопределенно-личности/безличности:

- (30) **Es sei** aber ausdrücklich darauf **hingewiesen**, dass mir der Film trotz seiner Schwächen sympathisch ist. (DECOW 16A)
 ‘Следует указать [hinweisen.sbjv] на то, что фильм мне нравится несмотря на его недостатки.’

¹⁰ Автор публикации благодарит анонимного рецензента за рекомендацию обратить внимание на данную особенность модальных глаголов.

(31) **Man nehme** sich Zeit zum Essen. (DECOW 16A)

‘Следует уделить [sich Zeit nehmen.sbv] время еде.’

Сами по себе безличные и неопределенно-личные конструкции уже по своей природе обладают определенным модальным потенциалом, что обусловлено исторически [Зарецкий, 2008].

Форма Konjunktiv I служит и для выражения допущения – алетической модальности, или некоторой существующей в объективной действительности возможности, например:

(32) Das Leben, das in der Form des Gesetzes erscheint, **sei** es bürgerliches oder moralisches Gesetz, wird dadurch versteinert. (DWDS)

‘Жизнь, которая имеет форму закона, это может быть [sein.sbv] как гражданский, так и моральный закон, костенеет.’

Таким образом, корневые модальные значения как относящиеся к зоне периферии находят проявление в случае использования формы Konjunktiv I для обозначения событий в настоящем или будущем времени. Это, по всей видимости, является результатом реинтерпретации временной граммемы и становится возможным в определенных типах контекстов. Для предложений данного типа характерно использование безличного местоимения *es* или неопределенно-личного местоимения *man*: в данном случае прослеживается глубинная взаимосвязь наклонения, времени и лица. То, что деонтичность коррелирует с безличностью, уже было показано в некоторых публикациях [Kotin, 2021; Аверина, 2022], не в последнюю очередь это связано с модальным потенциалом безличных конструкций.

В систематизированном виде базовые и периферийные виды модальных значений, передаваемых формами сослагательного наклонения в немецком языке, представлены в таблице 2.

Как видно из приведенной таблицы, значения, свойственные модальным предикатам в их «корневом» (деонтическом и алетическом) прочтении, являются результатом реинтерпретации грамем настоящего времени, имеющих референцию к действиям/событиям в настоящем и будущем; дейктичные (некорневые) значения представляют собой модальную реинтерпретацию грамем прошедшего времени. Алетическую и деонтическую модальность можно считать периферийными значениями, свойственными форме Konjunktiv I. Базовые значения Konjunktiv II – нефактичность и контрфактичность, к периферийным можно отнести значение эпистемичности, проявляющееся в некоторых типах контекстов, а также значение миративности, в некоторых случаях возникающее в модальных придаточных предложениях, вводимых союзами *ohne ... dass* и *anstatt ... dass* в определенных типах контекстов.

Таблица 2

**Базовые и периферийные значения, передаваемые формой Konjunktiv
[Basic and peripheral meanings conveyed by the Konjunktiv form]**

Временная форма сослагательного наклонения [Subjunctive tense]	Значение и контекстуальные условия его проявления [Meaning and contextual conditions of its manifestation]	Пример [Example]
<i>Презентные формы сослагательного наклонения [Present forms of the subjunctive mood]</i>		
Präsens Konjunktiv, Perfekt Konjunktiv, Futur Konjunktiv	Эвиденциальность (базовое значение): свойственно высказываниям в публицистических текстах [Evidentiality (basic meaning): characteristic of statements in journalistic texts]	<i>Er sagte einmal, er erinnere sich an kaum etwas.</i> (DECOW 16A) 'Однажды он сказал, что вряд ли что-то помнит [sich erinnern.SBJV].'
Präsens Konjunktiv	Алетическая модальность (периферийное значение): характерно для текстов научного стиля [Alethic modality (peripheral meaning): characteristic of scientific style texts]	<i>Er verbringt seine Freizeit ausschließlich auf Brettern, sei es im Wasser, im Schnee oder auf der Straße.</i> (DECOW 16A) 'Он проводит свое свободное время исключительно на досках, это может быть [sein.SBJV] в воде, на снегу или на улице.'
Präsens Konjunktiv	Деонтическая модальность (периферийное значение): характерно для текстов инструкций в неопределенно-личных предложениях [Deontic modality (peripheral meaning): characteristic of instructional texts in indefinite-personal sentences]	<i>Man verwende dazu ein schnell rotierendes Stahlbürstchen in einer Mini-Bohrmaschine.</i> (DECOW 16A) 'Следует применить [verwenden.SBJV] быстро вращающуюся стальную щеточку в мини-бормашине.'

Претеритальные формы сослагательного наклонения [Preterital forms of the subjunctive mood]

<p>Präteritum Konjunktiv, Plusquamperfekt Konjunktiv, Konditionalis I (II)</p>	<p>Нефактическая или контрфактическая модальность (базовое значение):</p> <ul style="list-style-type: none"> • в самостоятельном употреблении для выражения нефактичности (a); • в некоторых типах сложноподчиненных предложений (придаточные нереального условия (b), сравнения (c), иногда – в придаточных следствия (d) (30% случаев от общего количества придаточных с <i>als dass</i>)) • [Non-factual or counterfactual modality (basic meaning): • in independent use to express non-factuality (a); • in some types of complex sentences (subordinate clauses of unreal condition (b), comparison (c), sometimes – in subordinate clauses of consequence (d) (30% of cases from the total number of subordinate clauses with <i>als dass</i>)) 	<p>(a) <i>Sie hätten uns angegriffen ohne eine Frage zu stellen.</i> (DECOW 16A) ‘Они бы на нас напали [angreifen.sbjv], не спросив.’</p> <p>(b) <i>Wenn es Ihren Verein nicht schon gäbe, man müsste ihn heute erfinden.</i> (DWDS. Rede von Frank-Walter Steinmeier. 14.01.2020) ‘Если бы Вашего объединения сейчас не было бы [geben.sbjv], его бы пришлось [müssen.sbjv] сегодня основывать.’</p> <p>(c) <i>Manche tun ja so, als ob sich die Welt verändern würde</i> (DWDS. Rede von Christian Kern. 29.06.2018). ‘Некоторые ведут себя так, как будто мир изменится [sich verändern.sbjv]’</p> <p>(d) <i>Es steht zu viel auf dem Spiel, als dass wir dies auf die leichte Schulter nehmen könnten.</i> (DWDS. Rede von Heiko Maas. 28.01.2019) ‘Слишком многое поставлено на карту, чтобы мы могли [können.sbjv] отнестись к этому легкомысленно.’</p>
<p>Präteritum Konjunktiv, Plusquamperfekt Konjunktiv</p>	<p>Эпистемичность (периферийное значение) + эвиденциальность: возникает в косвенной речи при замене презентной формы на претеритальную (5% случаев от общего количества примеров,</p>	<p><i>Also mein Sohn ist knapp 2 Jahre alt und hatte vor 3 Wochen eine dicke Bronchitis. Letzte Woche Donnerstag waren wir beim Arzt und der sagte, er wäre wieder gesund.</i> (DECOW 16A)</p>

Окончание табл. 2

Временная форма составительного наклонения [Subjunctive tense]	Значение и контекстуальные условия его проявления [Meaning and contextual conditions of its manifestation]	Пример [Example]
	содержащих косвенную речь при отсутствии совпадения Präsens Indikativ с Präsens Konjunktiv) [Epistemicity (peripheral meaning) + evidentiality: occurs in indirect speech when the present form is replaced by the preterite (5% of cases from the total number of examples containing indirect speech in the absence of a match between the Präsens Indicative and the Präsens Konjunktive)]	‘Моему сыну едва исполнилось два года, и три недели назад у него был сильный бронхит. На прошлой неделе в четверг мы были у врача и тот сказал, что он якобы здоров [gesund sein.SBjV].’
Präteritum Konjunktiv, Plusquamperfekt Konjunktiv	Миративность (периферийное значение): находит свое проявление в придаточных предложениях, вводимых союзами <i>anstatt... dass, ohne... dass</i> в высказываниях, обращенных к собеседнику [Mirativity (peripheral meaning): is manifested in subordinate clauses introduced by the conjunctions <i>anstatt... dass, ohne ... dass</i> in statements addressed to the interlocutor]	<i>Das ist reine Oppositionspolitik, ohne dass Sie sachlichen Argumenten gegenüber aufgeschlossen wären.</i> (DWDS. Deutscher Bundestag: Plenarprotokoll Nr. 16/125 vom 14.11.2007. S. 13078). ‘Это чисто оппозиционная политика, без того, чтобы Вы были открыты [aufgeschlossen sein. SVjV] к восприятию каких-либо объективных аргументов.’ <i>Darin stecken Ihre Hände ganz tief, um die Bürger abzukassieren, anstatt dass Sie ihnen helfen würden.</i> (DWDS. Deutscher Bundestag. Plenarprotokoll. Nr. 14/183 vom 06.07.2001. S. 18133) ‘Вы слишком глубоко засунули руки в карман граждан, чтобы их обналичивать, вместо того чтобы помогать [helfen.SBjV] им.’

3. Заключение

Цель данной публикации заключалась в том, чтобы представить виды передаваемых сослагательным наклонением модальных значений как результат взаимодействия грамматических категорий и контекста. Представлялось важным выявить факторы, влияющие на возникновение субъективных модальных значений, передаваемых формой сослагательного наклонения в немецком языке, и определить синтагматические условия, влияющие на ее интерпретацию. Анализ фактического материала позволяет сделать следующие выводы.

1. Базовое значение презентных форм сослагательного наклонения – эвиденциальное. Возникновение периферийных значений презентных форм обусловлено контекстом и межкатегориальным взаимодействием граммем наклонения и времени, определенная роль отводится семантике лица: деонтичность и алетическая модальность в целом ряде случаев проявляются в безличных предложениях.

2. Базовыми значениями претеритальных форм является нефактичность или контрфактичность. Временная граммема в данном случае подвергается реинтерпретации: форма *Präteritum Konjunktiv* служит для создания «модальной дистанции» (см. [Kotin, 2014]) между говорящим и не существующим в реальной действительности фактом, она может иметь референцию к настоящему моменту, а может быть вневременной. *Plusquamperfekt* предполагает наличие результирующего состояния в прошлом, в форме *Konjunktiv* это состояние представлено как мыслимое, нефактичное, существующее в сознании говорящего. К периферийным значениям претеритальных форм сослагательного наклонения можно отнести миративность: она находит проявление в высказываниях, обращенных к собеседнику и содержащих придаточные предложения, вводимые союзами *anstatt... dass* и *ohne... dass*. В некоторых случаях претеритальные формы сослагательного наклонения, используемые для передачи косвенной речи, проявляют способность выражать эпистемическую семантику: это имеет место в высказываниях, в которых претеритальная форма использована при отсутствии совпадения *Präsens Indikativ* с *Präsens Konjunktiv*.

В целом можно заключить, что периферийные значения наклонения определяет тип синтаксической структуры и контекстуальное окружение.

Библиографический список / References

Аверина, 2022 – Аверина А.В. Семантика безличных конструкций с дательным субъекта состояния в немецком и русском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Т. 15. № 2. 2022. С. 569–575. [Averina A.V.

Semantics of impersonal constructions with the dative of the subject of the state in German and Russian. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. T. 15. No. 2. 2022. Pp. 569–575. (In Rus.)]

Бондарь, 2019 – Бондарь В.А. Перфект и претерит в древнегерманских языках: функционально-семантическое пересечение // *Индоевропейское языкознание и классическая филология*. 2019. № 23-1. С. 99–112. [Bondar V.A. Perfect and preterite in Ancient Germanic languages: Functional and semantic intersection]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya*. 2019. No. 23-1. Pp. 99–112. (In Rus.)]

Булыгина, Шмелев, 1997 – Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997. [Bulygina T.V., Shmelev A.D. Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na material russkoi grammatiki) [Linguistic conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar)]. Moscow, 1997.]

Бюлер, 2000 – Бюлер К. Теория языка. Репрезентативная функция языка / пер. с нем. Т.В. Булыгиной. М., 2000. [Büler K. Teoriya yazyka. Reprezentativnaya funktsiya yazyka [Sprachtheorie: die Darstellungsfunktion der Sprache]. T.V. Bulygina (transl. from German). Moscow, 2000].

Зарецкий, 2008 – Зарецкий Б.В. Безличные конструкции в русском языке: культурологические и типологические аспекты (в сравнении с английским и другими индоевропейскими языками). Астрахань, 2008. [Zaretskii B.V. Bezlichnye konstruktсии v russkom yazyke: kulturologicheskie i tipologicheskie aspekty (v sravnenii s angliiskim i drugimi indoeuropeiskimi yazykami) [Impersonal constructions in Russian: Cultural and typological aspects (in comparison with English and other Indo-European languages)]. Astrahan, 2008.]

Котин, 2017 – Котин М.Л. Нереальный условный период и автономное предложение желательного условия: проблемы грамматического статуса // *Вопросы языкознания*. 2017. № 2. С. 109–130. [Kotin M.L. An unrealistic conditional period and an autonomic sentence of a desired condition: Problems of grammatical status. *Voprosy yazykoznavaniya*. 2017. No. 2. Pp. 109–130. (In Rus.)]

Котин, 2018 – Котин М.Л. Язык и время. Очерк теории языковых изменений. М., 2018. [Kotin M.L. Yazyk i vremya. Ocherk teorii yazykovykh izmeneniy [Language and time. An essay on the theory of language change]. Moscow, 2018].

Мальчуков, Храковский, 2015 – Мальчуков А.Л., Храковский В.С. Наклонение во взаимодействии с другими категориями: опыт типологического обзора // *Вопросы языкознания*. 2015. № 6. С. 9–32. [Malchukov A.L., Khrakovskii V.S. Mood in interaction with other categories: The experience of a typological review. *Voprosy yazykoznavaniya*. 2015. No. 6. Pp. 9–32. (In Rus.)]

Плунгян, 2011 – Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М., 2011. [Plungyan V.A. Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira [Introduction to Grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the languages of the world]. Moscow, 2000.]

Русская грамматика, 1980 – Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980. Т. 1. [Russkaya grammatika [Russian Grammar]. N.Yu. Shvedova (ed.). Moscow, 1980. T. 1.]

Сичинава, 2013 – Сичинава Д.В. Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект. М., 2013. [Sichinava D.V. Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskii plyuskvamperfekt [The typology of the plusquamperfect. Slavic plusquamperfect]. Moscow, 2013.]

Храковский, 1990 – Храковский В.С. Взаимодействие грамматических категорий глагола: опыт анализа // Вопросы языкознания. 1990. № 5. С. 18–36. [Khrakovskii V.S. Interaction of grammatical categories of the verb. *Voprosy jazykoznanija*. 1990. No. 5. Pp. 18–36. (In Rus.)]

Abraham, 2013 – Abraham W. Deutsche Syntax im Sprachenvergleich. Grundlegung einer typologischen Syntax im Deutschen. 3, erweiterte Auflage. Tübingen, 2013.

Bybee, Perkins, Pagliuca, 1994 – Bybee J.L., Perkins R., Pagliuca W. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.

Buscha, Szita, Raven, 2013 – Buscha A., Szita S., Raven S. C Grammatik. Übungsgrammatik Deutsch als Fremdsprache. Leipzig, 2013.

Creissels, 2024 – Creissels D. Transitivity, valency and voice. Oxford University Press, 2024.

Crisofaro, 2012 – Cristofaro S. Descriptive notions vs. grammatical categories: Unrealized states of affairs and ‘irrealis’. *Language Sciences*. 2012. No. 34. Pp. 131–146.

Dahl, 2013 – Dahl Ö. Tense-aspect-mood-evidentiality (TAME) and the organization of human memory. *Time and TAME in Language*. K.V. Molsing, A.M. Tramunt Ibaños (eds.). Newcastle, England, 2013. Pp. 22–52.

Diewald, 1991 – Diewald G. Deixis und Textsorten im Deutschen. Tübingen, 1991.

Diewald, 1999 – Diewald G. Die Modalverben im Deutschen. Grammatikalisierung und Polifunktionalität. Tübingen, 1999.

Fabricius-Hansen, 1986 – Fabricius-Hansen C. Tempus fugit. Über die Interpretation temporaler Strukturen im Deutschen. Düsseldorf, 1986.

Fabricius-Hansen, 1991 – Fabricius-Hansen C. Tempus. *Semantik. Ein internationales Handbuch der zeitgenössischen Forschung*. A. von Stechow, D. Wunderlich (Hrsg.). Berlin, 1991. S. 722–748.

Fabricius-Hansen, 1999 – Fabricius-Hansen C. “Moody time”: Indikativ und Konjunktiv im deutschen Tempussystem. *Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik*. 1999. No. 113 (1). S. 119–146.

Fritz, 2000 – Fritz Th.A. Grundlagen der Modalität. *Aspekte der Verbalgrammatik* (Germanistische Linguistik 154). L.M. von Eichinger (Hg.). Wiesbaden, 2000. S. 85–104.

Fritz, 2018 – Fritz Th. Zu Semantik, Textbezug und Pragmatik der konditional basierten Konnektoren. *Worte über Wörter. Festschrift zu Ehren von Elke Ronneberger-Sibold*. Tübingen, 2018. S. 115–130.

Hall, 2014 – Hall K., Scheiner B. Deutsch als Fremdsprache. Übungsgrammatik für die Oberstufe. München, 2014.

Haspelmath, 2024 – Haspelmath M. Biverbal predicate constructions and related concepts: Serial verbs, converbs, auxiliaries, and grammaticalization, 2024. URL: https://www.academia.edu/123995829/Biverbal_predicate_constructions_and_related_concepts_Serial_verbs_converbs_auxiliaries_and_grammaticalization (date accessed: 06.02.2025)

Heine, 1993 – Heine B. Auxiliaries. Cognitive forces and grammaticalization. Oxford University Press, 1993.

Hengeveld, Olbertz, 2012 – Hengeveld K., Olbertz H. Didn't you know? Mirativity does exist! *Linguistic Typology*. 2012. Vol. 16 (3). Pp. 487–503.

Hentschel, Weydt, 2012 – Hentschel E., Weydt H. Handbuch der deutschen Grammatik. Berlin, New York, 2012.

Hundt, 2003 – Hundt M. Zum Verhältnis von epistemischer und nicht-epistemischer Modalität im Deutschen. Forschungspositionen und Vorschlag zur Neuorientierung. *Zeitschrift für Germanistische Linguistik*. 2003. Bd. 31. S. 343–381.

Jędrzejowski, 2022 – Jędrzejowski Ł. Zur Entstehungsumständen von mirativen *um-zu*-Sätzen im Deutschen. *Paths through meaning and form: Festschrift offered to Klaus von Heusinger on the occasion of his 60th birthday*. Köln, 2022. Pp. 134–137.

Jung, 1987 – Jung W. Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig, 1987.

Kotin, 2007 – Kotin M.L. Die Sprache in statumovendi. Bd. 1. Heidelberg, 2007.

Kotin, 2011 – Kotin M.L. Konnektoren als prototypische Tempusmarker. Versuche einer kognitivistisch basierten Reanalyse. *Konnektoren im Deutschen und im Sprachvergleich Beschreibung und grammatische Analyse*. G. Ferraresi (Hrsg.). Tübingen, 2011. S. 311–324.

Kotin, 2012 – Kotin M.L. Modalitäten. *Zeitschrift des Verbandes polnischer Germanisten*. Jagiellonian University Press, 2012. S. 140–158.

Kotin, 2014 – Kotin M.L. Zum Phänomen der kategorialen Konvergenz und zu seiner Relevanz in kontrastiven Sprachstudien. *Zeitschrift des Verbandes polnischer Germanisten*. 2014. Nr. 2. S. 151–164.

Kotin et al., 2019 – Kotin M., Torna K., Wawrzynkiewicz R. Das Perfekt der “besprochenen Welt” und die Aktionsarten: Eine Fallstudie zu Reichenbachs und Weinrichs Tempusmodellen aus der Sicht der Vendler’schen Aktionsartklassen. *Kwartalnik Neofilologiczny*. 2019. Band LXVI. Nr. 3. S. 445–459.

Kotin, 2021 – Kotin M.L. Der deutsche Dativ genealogisch und diachron. Eine Sprachwandelstudie über den dritten Fall. *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur*. 2021. Bd. 143. Heft 1. S. 51–111.

Leiss, 1992 – Leiss E. Die Verbalkategorien des Deutschen. De Gruyter, 1992.

Leiss, 2008 – Leiss E. The silent and aspect-driven patterns of deonticity and epistemicity: A chapter in diachronic typology. *Modality-aspect Interfaces. Implications and typological solutions*. Amsterdam, 2008. Pp. 15–42.

Lühr, 2010 – Lühr R. Bedingungsstrukturen im älteren Deutsch. *Historische Textgrammatik und historische Syntax des Deutschen*. A. Ziegler (Hrsg.). Bd. 1. Berlin, 2010. S. 157–172.

Lyons, 1983 – Lyons J. Semantik. Bd. II. München, 1983.

Palmer, 2001 – Palmer F.R. Mood and modality. Second ed. Cambridge textbooks in linguistics. Cambridge, 2001.

Reichenbach, 1948 – Reichenbach H. Elements of symbolic logic. New York, 1948.

Reis, Wöllstein, 2010 – Reis M., Wöllstein A. Zur Grammatik (vor allem) konditionaler V1-Gefüge im Deutschen. *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. 2010. Band 29. S. 111–179.

Schendels, 1983 – Schendels E.I. Deutsche Grammatik. Morphologie. Syntax. Moskau, 1983.

Scherr, 2017 – Scherr E. Die Opazität epistemischer Modalverben im Deutschen. Berlin; Boston, 2017.

Socka, 2021 – Socka A. Satzadverbien und Modalverben als Marker der Reportativität im Deutschen und im Polnischen. Reihe, 2021. Bd. 60.

Thieroff, 1992 – Thieroff R. Das finite Verb im Deutschen. Tempus – Modus – Distanz. Tübingen, 1992.

Weinrich, 1964 – Weinrich H. Tempus: besprochene und erzählte Welt. Stuttgart, 1964.

Zeman, 2023 – Zeman S. Von Newtons Apfel zur Grammatik mündlichen Erzählens: Methodische Überlegungen zu den Grundlagen einer Diskursgrammatik des Mittelhochdeutschen. *Methoden zur Erforschung grammatischer Strukturen in historischen Quellen: vom Einzelfall zum System*. C. Braun, E. Scherr (Hrsg.). Berlin, 2023. S. 189–210. DOI: 10.1515/9783110784282-012

Статья поступила в редакцию 11.01.2025

The article was received on 11.01.2025

Сведения об авторе / About the author

Аверина Анна Викторовна – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры грамматики и истории немецкого языка факультета немецкого языка, Московский государственный лингвистический университет

Anna V. Averina – Dr. Hab. (Linguistics); Professor at the Department of Grammar and History of the German Language of the Faculty of German Language, Moscow State Linguistic University

ORCID: 0000-0002-3117-6362

E-mail: a.v.averina@linguanet.ru